

ГЛАВА V. Историческая судьба идеи взаимности

Идея взаимности влечет за собою громадные последствия: она ведет между прочим к общественному единству человечества. Эта мечта принадлежит еврейскому мессианизму: но ни одна из четырех великих монахий, обещанных Даниилом, не выполнила эту программу. Везде слабость государства обуславливалась обширностью его пределов: конец римского завоевания был началом разложения. Поделив между собою пурпурные мантии, императоры сами проложили путь восстановлению национальностей. Папы потерпели такую же неудачу, как Александр и Цезари: католицизм не распространился и на половину населения земного шара. Но логика идеи взаимности стремится совершить то, что было не по силам ни могуществу великих империй, ни рвению религии; эта логика действует снизу вверх; она начинается с поработенных классов и вторгается в общество с противоположной стороны, и потому должна восторжествовать.

Всякое общество образуется, преобразуется и изменяется с помощью идеи. Так было в древности и так происходит в наше время. Идея отеческой власти легла в основание древних аристократий и монахий: на ней построены патриархат или восточный деспотизм, римский патриархат и новейший; пифагорейское братство легло в основание республик Критской, Спартанской и Кротонской. Преторьянское самовластие, папская теократия, средневековой феодализм, буржуазный конституционализм – все эти явления знакомы нам по опыту. За одно с ними мы можем назвать страстное притяжение Фурье, двуполое жречество Анфантена, эпикурейский идеализм наших романтиков, контовский позитивизм, мальтузианскую анархию и отрицательную свободу экономистов. Все эти идеи стремятся к господству: их притязание на преобладание не подлежит никакому сомнению.

Но чтобы основать это новое и несокрушимое единство, необходим полезный, общечеловеческий, абсолютный принцип, который стоял бы выше всякого общественного строя и без которого самое существование этого строя было бы совершенно невозможно. Мы находим этот принцип в идее взаимности, которая сама есть ничто иное как идея взаимнообязующей справедливости, прилагаемой ко всем человеческим отношениям и ко всем обстоятельствам жизни.

Весьма замечательно, что до сих пор справедливость оставалась чужда или равнодушна ко множеству таких вопросов, которые требуют её вмешательства. Религия, политика, даже самая метафизика отодвинули ее на второй и на третий план. Все нации выбирали себе в покровительствующие божества или могущество, или богатство, или любовь, или храбрость, или красноречие, или поэзию, или красоту; но никому и в голову не приходило, что Право есть самое великое и сильное божество, стоящее даже выше самого Рока. У древних справедливость была только дочерью Юпитера или, пожалуй, супругой его, но супругой

отвергнутой.

В первое время существования обществ это было совершенно естественно. Руководствуясь воображением и чувствительностью, человек сознает прежде всего те предметы, которые непосредственно касаются его; идеи рождаются в нем гораздо позднее, и из них прежде всего возникают идеи самые конкретные, самые личные, самые сложные, тогда как самые общие и простые идеи, которые вместе с тем всегда самые отвлеченные, начинают пробиваться гораздо позднее. Ребенок прежде всего любит и уважает отца и мать; потом он возвышается до идеи патриарха, князя, первосвященника, короля или царя; от этих личностей он мало по малу отвлекает идею власти; но чтобы возвыситься до сознания, что общество, та великая семья, к которой он принадлежит, есть воплощение Права – на это ему нужно 30 веков.

Одно только несомненно: каков бы ни был принцип, во имя которого основалось общество, каким бы именем оно ни называло свое верховное божество, – оно может существовать только одной справедливостью. Отнимите справедливость – общество тотчас развратится, государство распадется. За отсутствием справедливости самое отеческое правительство превращается в гнусную и нестерпимую тиранию. Идея, которую кладут в основание общественного устройства, не может обойтись без права; отрешаясь от него, она даже теряет всякий смысл, тогда как право существует само по себе и в строгом смысле не нуждается ни в чьей посторонней помощи.

Если идея справедливости примешивается к каждой политической системе и составляет её необходимое условие, то очевидно, что идея эта есть выражение сущности общества; она – самое могущественное божество, её культ – высшая религия, её изучение – самое священное богословие. Она освящает науку и искусство: всякая истина, всякая красота, явившаяся вне её, должны неминуемо обращаться в ложь или заблуждение.

Представим себе религию без справедливости: она была бы чудовищна. Несправедливое божество – синоним Сатаны, Аримана, духа зла; сама церковь говорит нам, что откровение, даже сопровождаемое чудесами, но неимеющее целью совершенствование человека путем справедливости, следовало бы приписать духу тьмы. Любовь без уважения – бесстыдство. Всякое искусство, всякий идеал, которые вздумали бы отрешиться от справедливости и нравственности, заслужили бы название искусства разврата, идеала позора.

Переберите весь ряд человеческих идей, переройте всю сокровищницу духовной и светской науки, и вы не найдете другой идеи, равной справедливости. К ней-то стремится и вызывает в наши дни рабочая демократия, благодаря своему живому, хотя еще смутному чутью; ее-то и называет она взаимностью. Вот он, тот новый порядок, который, по народному преданию, Французская революция призвана основать, соединив все народы в федерацию федераций. Вот эта религия будущего, религия Справедливости.

Во времена Моисея еврейский народ был доступен лишь идее отеческой власти или патриархата, связанного с властью Всемогущего Бога, Небесного Отца Израиля. Вот почему, несмотря на свое стремление к справедливости, моисеев закон на деле подчиняет ее власти отца, царя, первосвященника и религиозному культу.

Позднее, при римской империи, священство, царская власть и аристократия были полны злоупотреблений; но потеряв уважение к ним, народ не мог возвыситься до идеи справедливости. На место исказившейся отеческой и первосвященнической власти было поставлено братское милосердие; была основана евангельская община, церковь.

Уже тогда явилась мысль, что милосердия, которое проповедовали в этой общине, недостаточно, если его не пополнить правом, идеей справедливости. Теперь та же самая мысль руководит нашей демократией, которая говорит устами Шестидесяти «Мы отвергаем благодеяние, мы требуем справедливости».

Сожалею, что принужден так долго занимать читателя этими несколько отвлеченными вопросами. Но повторяю: когда дело идет о революции, которая уже струится в жилах народа, о самой решительной и глубокой из всех происходивших доселе революций, – мне нельзя острить и ветрянничать; говорить о таком явлении надо не иначе, как совершенно серьезно. Пусть те, которые ищут развлечения в разговоре о самых великих интересах, читают ежедневно после обеда по 10 моих страниц и потом с миром отправляются в театр или принимаются за фельетон. Что касается до меня, то я неспособен забавляться справедливостью или шутить над преступлением и нищетой. Если подчас я говорю тоном памфлета, то в этом повинно только мое честное негодование.

Проследив с возможной точностью возникновение идеи взаимности, мы должны теперь рассмотреть её сущность и значение. Если мне не удастся быть кратким, я постараюсь, по крайней мере, говорить ясно и решительно.

Версия #1

Зверобой создал 17 марта 2025 06:57:37

Зверобой обновил 17 марта 2025 07:10:02